

Ефрем Сирин, св. Толкование на Четвероевангелие [1-я гл.] /
Предисл., пер. и примеч. А. А. Спасского; под ред. М. Д. Муретова //
Богословский вестник 1896. Т. 1. № 1. С. 1–16 (1-я пагин.). (Начало.)

ТВОРЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

при

Московской Духовной Академіи.

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

2-я типографія

А. И. Смирновой въ Сергеевскъ Посадъ Московск. губ.
1896.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ЕФРЕМА СИРИНА

~~~~~  
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.  
~~~~~

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижепредлагаемое толкованіе Святаго Ефрема Сирина на Четвероевангеліе заслуживаетъ вниманія благочестиваго читателя не только потому, что оно есть подлинное твореніе Великаго Отца и Учителя Церкви, но и по причинѣ важныхъ особенностей объясняемаго въ немъ Евангельскаго текста. По свидѣтельствамъ древности и по тщательнымъ изысканіямъ ученыхъ оказывается, что въ своемъ изложеніи Евангелія св. Отець слѣдовалъ не одному какому-либо Евангелисту, а имѣлъ предъ собой сводъ Евангельскаго текста, составленный по всѣмъ четыремъ Евангелистамъ,—и, притомъ, томъ *самый сводъ, который содѣланъ былъ Таціаномъ, церковнымъ писателемъ-апологетомъ II-го вѣка*, и который въ древней церкви, преимущественно въ Сириі, пользовался распространенностью подъ именемъ „*Диатессарона*“ т. е. Евангелія *по четыремъ* Евангелистамъ или Четвероевангелія. Посему, для лучшаго уразумѣнія нижеслѣдующаго толкованія, считаемъ полезнымъ дать предварительно нѣсколько краткихъ свѣдѣній о самомъ Таціанѣ и его Диатессаронѣ, изъясняемомъ св. Ефремомъ Сириномъ.

1. О жизни и дѣятельности Таціана древность оставила намъ очень скудныя свѣдѣнія. Въ своемъ сочиненіи „Рѣчь противъ эллиновъ (т. е. язычниковъ)“¹⁾, написанномъ въ защиту христіанской вѣры и стяжавшемъ ему имя апологета (т. е. защитника) церкви, Таціанъ самъ называетъ себя „урожденцемъ ассирійской земли, первоначально раз-

1) Въ русскомъ переводѣ это сочиненіе издано Свящ. П. Преображенскимъ въ „Памятникахъ древне-христіанской письменности“, томъ IV, Москва, 1857.

дѣлявшимъ языческое ученіе (гл. 42)“. Время его рожденія точно неизвѣстно; ученые полагають, что онъ увидѣлъ свѣтъ въ концѣ первой или въ началѣ второй четверти II-го вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Съ ранней молодости Таціанъ обнаружилъ широкую любознательность, много учился, усвоилъ себѣ всю языческую мудрость и, затѣмъ, по обычаямъ того времени, путешествовалъ по разнымъ городамъ римской имперіи въ качествѣ учителя краснорѣчія. Въ эти странствованія его влекли, однако, не суетные расчеты на приобрѣтеніе славы, а желаніе достигнуть истиннаго знанія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ и добыть себѣ тотъ душевный миръ, котораго не могла дать ему языческая наука (гл. 29). Ознакомившись съ вѣрованіями и обрядами различныхъ народовъ Азіи и Европы и не найдя въ нихъ отвѣта на свои стремленія къ высшему знанію, Таціанъ около половины II-го вѣка прибылъ въ Римъ; здѣсь въ его руки попались христіанскія книги Священнаго Писанія., „и я,—разсказываетъ о себѣ Таціанъ,—повѣрилъ этимъ книгамъ, по простотѣ ихъ рѣчи, безыскусственности писателей, удобопонятности объясненія всего творенія, предвѣднію будущаго, превосходству правилъ и наконецъ по ученію объ единомъ Властителѣ надъ всѣмъ. Будучи просвѣщенъ познаніемъ ихъ, я рѣшился отвергнуть языческія заблужденія, какъ дѣтскія бредни (гл. 29. 30)... и узналъ Бога и Его твореніе (гл. 42)“. Находясь въ Римѣ, Таціанъ вступилъ въ близкія отношенія съ св. Іустиномъ Философомъ и мученикомъ, къ ученикамъ и слушателямъ котораго причисляетъ его св. Иринеи, епископъ Ліонскій ¹⁾. Въ своемъ вышеупомянутомъ воззваніи Таціанъ съ глубокимъ уваженіемъ отзывается объ Іустинѣ, какъ о мужѣ „достойномъ великаго удивленія (гл. 18)“, и воспоминаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ онъ обличалъ языческихъ философовъ „въ сластолюбіи и лжи“ и отъ одного изъ нихъ, по имени Кресцента, терпѣлъ даже преслѣдованія (гл. 19). Послѣ мученической кончины св. Іустина, послѣдовавшей по мнѣнію ученыхъ въ 166-мъ году, Таціанъ удалился изъ Рима на Востокъ, въ Сирію, и здѣсь впалъ въ различныя заблужденія, примкнувъ къ сектѣ энкратитовъ (воздержниковъ), запрещавъ

1) Противъ ересей, I, 28.

шихъ употребленіе вина даже въ таинствѣ Евхаристіи. „Пока онъ обращался съ Іустиномъ, — пишетъ о Таціанѣ св. Ириней Ліонскій, — не высказывалъ ничего подобнаго; по смерти же сего мученика, отпаль отъ Церкви, возгордился достоинствомъ учителя и, ослѣпившись мыслию, будто онъ лучше другихъ людей, составилъ свое особенное ученіе. Подобно послѣдователямъ Валентина, онъ баснословилъ о какихъ-то невидимыхъ зонахъ; бракъ называлъ растлѣніемъ и блудомъ и самъ отъ себя изобрѣталъ доказательства для опроверженія ученія о спасеніи Адама“¹⁾). Онъ умеръ, какъ полагаютъ, около 175-го года.

2. Дровнѣйшее свидѣтельство о составленномъ Таціаномъ Діатессаронѣ даетъ Евсевій Кесарійскій (IV-й в.) въ своей Церковной Исторіи: „Таціанъ, — говоритъ Евсевій, — составилъ какое-то согласованіе и сводъ Евангелій, которое называлъ Діатессарономъ; это сочиненіе и теперь еще находится у многихъ“ (Ц. И., IV, 29). Слова перваго церковнаго историка подтверждаетъ и св. Епифаній Кипрскій въ своемъ сочиненіи о ересяхъ (46, 1), добавляя одно то, что Діатессаронъ Таціановъ нѣкоторые называли Евангеліемъ отъ Евреевъ. Болѣе же подробныя свѣдѣнія объ этомъ твореніи Таціана сообщаетъ Θεодоритъ, епископъ Кирскій. „Таціанъ, — извѣщаетъ онъ въ своемъ „Сокращеніи еретическаго баснословія“ (1, 20), — сложилъ Евангеліе, которое называется Діатессарономъ, опустивши родословныя и всѣ другія мѣста, показывающія, что Господь по плоти происходилъ изъ сѣмени Давидова. Этимъ Евангеліемъ пользовались не только люди, принадлежавшіе къ его сектѣ, но и тѣ, которые слѣдовали Апостольскому ученію, не сознавая коварства этого свода, а просто пользуясь имъ, какъ сокращенною книгою. Я самъ нашелъ болѣе двухъ сотъ книгъ этого рода, въ почести имѣвшихся въ нашихъ церквахъ, всѣхъ ихъ отобралъ въ одно мѣсто и въ замѣнъ ихъ ввелъ Евангелія четырехъ Евангелистовъ“.

Изъ Сирскихъ церковныхъ писателей первое упоминаніе о Діатессаронѣ Таціана встрѣчается у Бар-Балула (X в.), который въ своемъ словарѣ, недавно изданномъ Михэлисомъ, стр. 192, говоритъ слѣдующее: „Діатессаронъ, — такъ

1) Тамже.

называются четыре Евангелія; написанныя въ Александріи, епископомъ Таціаномъ, они тщательно сохраняются“. Правильнѣе Бар-Балула пишетъ Бар-Салиби († 1171), Іаковитскій епископъ города Амиды въ Месопотаміи, въ предисловіи къ толкованіямъ на Евангеліе Марка; по его словамъ ¹⁾, „Таціанъ, ученикъ Іустина Философа и мученика, изъ четырехъ Евангелій выбралъ, соединилъ и составилъ одно Евангеліе, которое назвалъ Діатессарономъ т. е. смѣшаннымъ. Это Евангеліе изъяснялъ св. Ефремъ. Оно начиналось словами: „Въ началѣ бѣ Слово“. Слѣдующій свидѣтель, Бар-Гебрэй, епископъ Тагритскій и Іаковитскій митрополитъ († 1286), такъ говоритъ о Діатессаронѣ ²⁾: „Евсевій Кесарійскій, — видя поврежденія, которыя сдѣлалъ Аммоній Александрійскій въ Евангеліи, названномъ Діатессарономъ, коего начало было: „Въ началѣ бѣ Слово“ и которое изъяснилъ св. Ефремъ Сиринъ, — четыре Евангелія, какъ они суть въ текстѣ, оставилъ вполнѣ цѣлыми, сходствующія же въ нихъ слова обозначилъ общимъ канономъ“. Въ приведенныхъ словахъ Бар-Гебрэй впадаетъ въ двойное заблужденіе, ибо, во-первыхъ, смѣшиваетъ Аммонія Александрійскаго, автора другаго Евангельскаго свода, съ Таціаномъ, которому принадлежитъ изъясненный св. Ефремомъ Діатессаронъ, а, во-вторыхъ, ошибочно утверждаетъ, что этотъ Таціановскій Діатессаронъ былъ исправляемъ Евсевіемъ, тогда какъ, по свидѣтельству самого Евсевія, свои каноны онъ прилагалъ къ сочиненію Аммонія. — Наконецъ, Ебед-Іесу, несторіанскій епископъ Собенскій († 1318), въ своемъ каталогѣ всѣхъ церковныхъ твореній, послѣ Священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, упоминаетъ „Евангелію, которое собралъ Александрійскій мужъ Аммоній, онъ-же и Таціанъ, и поименовалъ Діатессарономъ“. Очевидно, Ебед-Іесу повторяетъ ошибку Бар-Балула и Бар-Гебрэя, сливая Таціана съ Аммоніемъ Александрійскимъ.

Вотъ главнѣйшія ³⁾ свидѣтельства древности относительно Діатессарона Таціана. Сравнивая ихъ между собою, можно видѣть, что Таціаномъ былъ составленъ сводъ Евангельскаго текста, названный имъ самимъ Діатессарономъ, въ

¹⁾ Assemani Bibl. Orient, 1, p. 57 et II, p. 159.

²⁾ Ibid., I, p. 57.

³⁾ Другія менѣе важныя извѣстія о Діатессаронѣ собраны и обследованы въ монографіи Semisch'a „De Tatiani Diatessaron“.

который включены были подлинныя слова Евангелистовъ, съ опущеніемъ, однако, родословія Христа и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ раскрывалось происхожденіе Господа нашего по плоти отъ сѣмени Давидова. Особенною распространенностью этотъ Таціановскій сводъ пользовался въ Сиріи и Месопотаміи и не только среди послѣдователей секты самого составителя свода, но и между православными христіанами, относившимися къ нему съ уваженіемъ.

3. Что въ сохранившемся до нашего времени толкованіи св. Ефрема Сирина на Четвероевангеліе намъ предложить текстъ имено составленнаго Таціаномъ Діатессарона, объ этомъ прежде всего прямо говорятъ вышеприведенныя свидѣтельства Бар-Салиби и Бар-Гебрэя, удостовѣряющія, что св. Ефремъ Сиринъ изъяснялъ сдѣланный Таціаномъ сводъ четырехъ Евангелій. Кромѣ этихъ свидѣтельствъ, въ томъ же самомъ убѣждаютъ насъ какъ подлинное надписаніе его толкованія на Четвероевангеліе, такъ и порядокъ, въ которомъ излагается здѣсь Евангельскій текстъ. Разсматриваемое твореніе Ефрема Сирина, по переводу съ первоначальнаго текста, озаглавляется такъ: *„Изложеніе согласованнаго (или своднаго) Евангелія, составленное св. Ефремомъ, учителемъ Сирскимъ“*. Послѣ краткаго введенія, оно начинается словами Евангелія Іоанна: „Въ началѣ бѣ Слово“, совершенно согласно съ извѣстіями древности о Таціановомъ Діатессаронѣ, и затѣмъ переходитъ къ Лк. 1, 5; Іоан. 1, 14, 17; Лк. 1, 6—77; Мѡ. I, 18—25 и т. д., опуская родословія Христа. Наконецъ, должно замѣтить, что древніе писатели не упоминаютъ ни о какомъ иномъ Евангельскомъ сводѣ или согласованіи, пользовавшемся извѣстностью въ восточныхъ странахъ, кромѣ Діатессарона Таціана и Діатессарона Аммонія Александрійскаго. Но Діатессаронъ Аммонія Александрійскаго, какъ свидѣтельствуемъ Евсевій Кесарійскій въ письмѣ къ Карпіану, представлялъ собой ничто другое, какъ Евангеліе отъ Матѳея, къ отдѣльнымъ главамъ котораго съ боку присоединены были соотвѣтствующія главы трехъ прочихъ Евангелистовъ. Отсюда явствуетъ, что изъясняемый св. Ефремомъ сводъ Евангельскаго текста можетъ быть только Діатессарономъ Таціана.

По изслѣдованіямъ ученыхъ, подлежащій въ толкованіи

св. Ефрема Сирина текстъ Діатессарона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уклоняется не только отъ принятаго нынѣ въ церкви Евангельскаго текста, — что легко замѣтитъ внимательный читатель, — но и отъ древняго Сирскаго перевода, называемаго Пешито, и совпадаетъ съ древнѣйшимъ Сирскимъ Евангеліемъ, изданнымъ Cureton'омъ. Такъ въ толкованіяхъ св. Ефрема слова Іоанн. 1, 4—5 читаются слѣдующимъ образомъ: „*безъ Него ничто не было создано. Въ томъ, что было создано, чрезъ Него была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ*“; слова Мѣ. 1, 25 передаются такъ: „*въ святости жительствовалъ съ нею, пока наконецъ она родила первенца*“. Оба эти мѣста одинаково уклоняются отъ греческаго текста и отъ Пешито и согласуются съ древнимъ Сирскимъ Евангеліемъ Cureton'a.

Не смотря на эти уклоненія въ частностяхъ, излагаемое св. Ефремомъ Четвероевангеліе даетъ возможность ясно видѣть, что составленный еще во II-мъ вѣкѣ Діатессаронъ Таціана въ общемъ содержалъ въ себѣ тотъ же самый Евангельскій текстъ, каковой читается и нынѣ, только въ иномъ порядкѣ и съ нѣкоторыми произвольными опущеніями. Посему, да почититъ каждый православный христіанинъ память св. Ефрема, въ своихъ толкованіяхъ на Діатессаронъ оставшаго намъ столь ясное, убѣдительное и неопровержимое свидѣтельство глубокой древности и неповрежденности доселѣ принимаемыхъ Христовою Церковію святыхъ Евангелій.

СВЯТАГО ЕФРЕМА СИРИНА

толкованіе на Четвероевангеліе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Для чего Господь нашъ облекся плотію? Для того, чтобы сама плоть вкусила радость побѣды и чтобы исполнилась и познала дары благодати. Если бы Богъ побѣдилъ безъ плоти, то какія бы Ему вмѣнились похвалы? Во-вторыхъ, чтобы сдѣлать яснымъ, что Господь нашъ медлилъ началомъ творенія отнюдь не по зависти къ тому, что человѣкъ содѣлается Богомъ, такъ какъ то, что Господь нашъ умалилъ Себя въ человѣкѣ, выше того, что Онъ обиталъ въ немъ, пока человѣкъ былъ великъ и славенъ ¹⁾. Посему написано: „Я сказалъ: вы—боги (Пс. 81, 6)“. И такъ, Слово приходитъ и облекается плотію, дабы чрезъ то, что доступно плѣненію, плѣнено было то, что не подлежитъ плѣненію, и чрезъ то, что не подлежитъ плѣненію, плоть отвратилась отъ того, кто ее плѣнилъ ²⁾. Ибо Господу нашему надлежало быть пристанищемъ всѣхъ благъ, къ которому стекались бы

¹⁾ Т. е. второй Адамъ выше Адама перваго.

²⁾ Т. е. чтобы чрезъ соединеніе Бога невидимаго съ человѣкомъ видимымъ люди освободились отъ власти грѣха и діавола.

люди, сокровищницею всёхъ таинствъ, къ которой отовсюду бы прибѣгали, и вмѣстилищемъ всего сокровеннаго, дабы всё люди какъ бы на крыльяхъ возносились къ Нему и въ Немъ одномъ находили успокоеніе. Отринь мудрованіе, что въ паденіи того, кто палъ, палъ вмѣстѣ и Тотъ, Кто имѣетъ его возставить. Поелику тѣло Адама (создано) было ранѣе, чѣмъ явились въ немъ разстройства, посему и Христосъ не принялъ разстройства, которыя позднѣе получилъ Адамъ, такъ какъ они были нѣкоторымъ придаткомъ немощности къ здоровой природѣ. Итакъ Господь здоровою принялъ ту природу, здравость которой погибла, дабы человѣкъ чрезъ здоровую природу Господа возвратилъ себѣ здравость первобытной своей природы. Ибо когда кровожадные звѣри ужасно изранили человѣка, Благодѣтель поспѣшилъ оживить насъ своими врачествами. Незаслуженно человѣкъ обложенъ перевязами, такъ какъ и раны его незаслужены; ибо ни въ чемъ человѣкъ не погрѣшилъ противъ сатаны, который его изранилъ, и ничего не далъ Благодѣтелю, Который его исцѣлилъ. Итакъ, облеченный тѣмъ же оружіемъ, какимъ врагъ побѣдилъ и ввергъ міръ въ осужденіе, Господь низшелъ на битву и во плоти, принятой отъ жены, побѣдилъ міръ, преодолѣлъ врага и осудилъ. Доколѣ церковь была сокровенна, таинства ¹⁾ ее возвѣщали, пока она сама молчала; когда же церковь была явлена, она сама стала изъяснять этихъ своихъ провозвѣстниковъ, которые по причинѣ ея явленія оттолѣ умолкли.

„Отъ начала было Слово (Іоан. I, 1).“ Сіе Евангелистъ говоритъ, дабы показать, что какъ слово существуетъ у того, кто его произноситъ, такъ и Богъ

1) Разумѣются прообразы Вѣхаго Завѣта.

Слово во всякомъ дѣлѣ имѣеть общеніе со Своимъ Родителемъ и въ Немъ есть и вѣнъ Его. И хорошо разсудишь, что слово прежде, чѣмъ будетъ произнесено, уже существуетъ; ибо Захарія говорилъ безъ движенія губъ. Еще потому Господь нашъ называется Словомъ, что чрезъ Него открыто сокровенное подобно тому, какъ чрезъ слово открывается сокрытое въ сердцѣ, какъ и Апостолъ Павелъ свидѣтельствуеть, говоря: „тайный Божій советъ есть Христость, Которымъ открыты всѣ сокровища премудрости и вѣднія (Кол. II, 3)“. Впрочемъ, слово не произносится прежде, чѣмъ оно образуется ¹⁾, такъ какъ природа слова рожденная. Такъ и Слово о Самомъ Себѣ свидѣствовало, что Оно не есть Само отъ Себя, но рождено, и что Оно—не Отецъ, а Сынъ, ибо сказало: „Бога никто никогда не могъ видѣть, но Единородный, сущій въ нѣдрѣ Отца, Самъ возвѣстилъ намъ о Немъ (Іоан. 1, 18)“. И еще говоритъ: „И Я пришелъ отъ Отца (Іоан. V, 43 или XVI, 28)“. И если скажешь, что то, что есть, не можетъ быть рождено, ложнымъ сдѣлаешь свидѣтельство Писанія, которое говоритъ: „было“, и затѣмъ: „рожденъ изъ нѣдра Отца Своего“.

„Отъ начала было Слово“. Берегись, дабы въ этомъ мѣстѣ не подумать о словѣ слабомъ, и не сочти Его столь ничтожнымъ, что назовешь Его гласомъ. Ибо гласъ отъ начала не существуетъ, такъ какъ гласа вѣтъ прежде, чѣмъ онъ будетъ произнесенъ, и послѣ того, какъ произнесенъ, его опять не существуетъ. Итакъ, не гласомъ было Слово, Которое по Своей природѣ было подобіемъ существа Своего Отца, и не гласомъ Отца, а образомъ Его. Ибо если дѣти, тобою производимые, подобны тебѣ, то какъ ты ду-

¹⁾ т. е. въ умѣ говорящаго.

маешь, что Богъ родилъ гласъ, а не Бога? И если сынъ Елисаветы, **наименованный гласомъ** (Мѡ. III, 3; Мр. 1, 3; Лк. III, 4), есть человѣкъ, то тѣмъ болѣе Богъ, названный **Словомъ**, есть (истинный) Богъ. Если возражишь, что Сынъ въ Писаніи ясно обозначается именемъ слова, то разсуди, что Іоаннъ, который также называется гласомъ, существуетъ, однако, какъ лице; подобнымъ образомъ и Богъ, Который называется словомъ, есть тѣмъ болѣе Богъ Слово. Если же подумаешь, что Сынъ есть помышленіе Отца, то спрошу, развѣ единожды Отецъ помыслилъ? Ибо если помышленія Его многи, то какъ Сынъ можетъ быть Единороднымъ? И если Сынъ есть внутреннее Его помышленіе, то какъ Онъ—одесную Его?

„Отъ начала было Слово.“ Но не то слово, какое изрекалось при началѣ міра, есть сіе Слово, такъ какъ Оно существуетъ прежде начала и прежде времени, ибо нѣтъ ни дня, ни часа, когда бы Его не было. Истинное Слово есть не то, которое въ одно время существуетъ, а въ другое нѣтъ, или не то, которое нѣкогда не существовало и потомъ было создано, но то, которое уже *было* всегда, постоянно, отъ начала, отъ вѣчности. Поелику Тотъ, Кто изрекаетъ Слово, вѣченъ, и такъ какъ Слово сіе подобно сказующему Его и есть Слово сказующаго, посему и говорить: „отъ начала было Слово“. И дабы показать, что Его рожденіе предшествовало всякому началу и границамъ временъ, сказалъ: „*было*“.

Далѣе, если Слово сіе „*было у Бога*“, а не Богу, ¹⁾ то словами „*у Бога*“ Евангелистъ ясно излагаетъ намъ, что какъ былъ Богъ, у Котораго было Слово, такъ и Самое Слово существовало у Бога,

1) Т. е. не Богомъ создано и не для Бога назначено, какъ прочія сотворенныя вещи.

какъ Богъ., *Отъ начала было Слово.* “Этими словами двѣ вещи изъясняетъ, именно: природу Слова и Его рожденіе. И дабы не оставить „Слово“ безъ толкованія, добавилъ: „Сіе слово было у Бога“, чѣмъ двойное возвѣстилъ: во первыхъ, что Слово не есть, какъ какой—нибудь человѣкъ, ибо „у Бога было“, потомъ, образъ бытія Слова. „И Богъ было Слово“,—чѣмъ троякому научилъ, именно, что Слово есть Богъ, Лице и рождено. „Оно было отъ начала у Бога“. Благоразумно эти слова присоединилъ, дабы не показалось, что онъ возвѣщаетъ одно Лицо. „Оно было отъ начало у Бога (Іоан. 1, 2).“ Итакъ (Евангелистъ) сказалъ, во-первыхъ, о рожденіи Его, во-вторыхъ, что Оно было у Бога, въ третьихъ, что Оно и было Богъ, въ четвертыхъ, что Оно уже прежде было у Бога.

„Все чрезъ Него было создано“ (Іоан. 1, 3), такъ какъ дѣла чрезъ Него совершены, по словамъ Апостола: „все чрезъ Него было создано, ибо чрезъ Него совершены дѣла (ср. Кол. 1, 16. 17)“, и: „чрезъ Него создалъ всю землю¹⁾“. „И безъ Него ничто не было создано“ (Іоан. 1, 3),—что тоже самое. (Въ томъ), что создано было, чрезъ Него была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ (Іоан. 1, 4),—такъ какъ Его явленіемъ сокрушенныя, предшествовавшія заблужденія сокрылись. „И сей свѣтъ во тьмѣ свѣтилъ и тьма не объяла его (Іоан. 1, 5), какъ и говорить: „ко своимъ пришелъ, и свои не приняли (Іоан. 1, 11).“

„И сей свѣтъ во тьмѣ свѣтилъ“. Разсмотри, какая именно тьма боролась противъ сего свѣта человѣковъ, и изслѣдуй, какимъ образомъ онъ прежде въ ней свѣтилъ. Когда же говорить „свѣтилъ“, не отваживайся думать о Словѣ что-либо маловажное, но изъ словъ: „во тьмѣ свѣтилъ“, уразумѣй, что Еванге-

1) Неизвѣстно, откуда взяты эти слова.

листъ называетъ тьмою время, предшествовавшее Его Божественному явленію, и показываетъ, что въ то время Слово свѣтило. Ибо объ этой тьмѣ мы можемъ слышать въ другомъ мѣстѣ Евангелія, гдѣ находится изреченіе пророка: „земля Завулонова и Нафѣалимова, на пути приморскомъ и за потокомъ Иорданскимъ, Галилея языческая, народъ, сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій (Мѡ. IV, 15).“ Сію тьму онъ потому усвояетъ имъ, что они были народъ весьма отдаленный, имѣющій обитаніе и жительство на берегу моря,—народъ, далеко уклонившійся отъ постановленій и ученія Закона; по этой причинѣ онъ называетъ ихъ народомъ, „сидящимъ во тьмѣ“. Итакъ о нихъ именно говорилъ Евангелистъ, такъ какъ самъ (?) сказалъ: *свѣта*, то есть, ученія и вѣдѣнія Его, *тьма* предшествовавшая, то есть, заблужденія, *не обзяла*. Предпринимая возвѣщеніе о началѣ того подвига, который претерпѣлъ Господь нашъ въ Своемъ тѣлѣ, Евангелистъ такъ начинаетъ говорить: „*тьма его не обзяла*“.

„*Было во дни Ирода царя Иудейскаго* (Лук. 1, 5)“. Окончивши изложеніе о Словѣ, въ другомъ мѣстѣ о томъ,—какъ, до какой степени и для чего Оно Себя умалило,—говоритъ такъ: „*сіе Слово стало плотью и обитало съ вами* (Іоан. 1, 14)“. Итакъ, отселѣ, что ты, по окончаніи этого слова, ни услышишь въ Писаніи о Словѣ, разумѣй не о чистомъ и одномъ только Словѣ Божіемъ, а о Словѣ, облеченномъ плотію, то есть, (отселѣ начинаются) повѣствованія смѣшанныя, Божественныя вмѣстѣ и человѣческія, исключая то первое и главное изъ всѣхъ ¹⁾.

„*Во дни Ирода, царя іудейскаго, (былъ) священникъ*

1) Т. е. Іоан. I, 1—14.